

R U S S I A N L I F E

San Francisco, Cal.

1647 Divisadero Street

Telephone WA 2510.

R U S S I A N D A I L Y

M O R N I N G N E W S

*Entered as second class mat-
ter in P. O. San Francisco,*

*California, under the Act of
MARCH 3, 1879.*

„Три сестры” Чехова

В МАЛЕНЬКОМ ТЕАТРѢ КАЛ ИФОРНІЙСКАГО УНИВЕРС.

«Маленькій Театр» — совсѣм не театр. Это большой зал с эстрадой. В зал ѣхѣт ни сцены, ни занавѣса, ни уборных для артистов. И в этом залѣ группа студентов и студенток Университета совершила с нашей русской точки зрѣнія почти чудо, поставив Чеховских «Трех Сестер».

Вмѣсто декорацій—раздвижныя ширмы, два три стула, керосиновая лампа, свѣчи, садовая окамья да гирлянда сухих осенних листьев создавали иллюзію для тѣх, кто хотѣл ее создать. Вмѣсто «столовой» в первом актѣ — просто стол, поставленный сбоку внизу эстрады.

Русскіе в нашей сан-францисской колоніи такой «условной» постановки безусловно бы не приняли. Однако, для любителей театра эта условность — не нова. Даже Императорскій Александринскій театр дѣлал попытку упрощенія постановки и отказа от занавѣса (напр.

постановка Дон-Жуана).

Как бы то ни было, иллюзія дома Прозоровых была достигнута. А излишнія хитрости декорацій не отвлекали вниманія от игры артистов.

Первый момент, первыя слова сестер — были для русскаго зрителя самыми трудными. Как отвлечься от привычных воспоминаній, от Московскаго Художественнаго или Петербургскаго Александринскаго театров? Как принять сестер Прозоровых говорящих по англійски, самыя имена русскія произносящих с акцентом. Нѣсколько первых минут впечатлѣніе было положительно непріятным. Офицеры, одѣтые в какіе то опереточно - яркіе мундиры: Андрей «по актерски» бритый, Чебутыкин с бородой чуть не по пояс... Становилось немножко смѣшно и скучно... но (не вдруг, а постепенно) из хаоса иностранных слов стали проступать знакомые, родные, чеховскіе слова. Молодые артисты

и артистки, видимо сами очарованные какой то особенной прелестью изображаемых героев, дѣлались все лучше и лучше. Тонкая, почти неуловимая, но всезахватывающая красота Чехова все ярче и ярче выступала сквозь иностранное платье.

И на сценѣ уже были три сестры Прозоровы, барон Тузенбах, вульгарная Наташа, одинокій разочарованный, опускающийся в тину жизни Андрей... Стало ясно, что Чехов — интернаціонален, всечеловѣчен, прекрасен, в каком бы платьѣ не нарядили его героев.

Костюмы были неправильны. Старшее поколѣніе неубѣдительно, так как голоса и фигуры Вершинина и Чебутыкина были так же молоды, как Федотик и Родэ... И все таки публика с захватывающим интересом слѣдила за пьесой и слушала внимательно каждое слово.

И главным героем вечера был и чувствовался А. П. Чехов, говорившій устами своих героев.

Зал был переполнен американской молодежью. И не было немѣстных смѣшков, шума, кашля...

Свершилось чудо! красота пьесы Чехова была понята и артистами и публикой.

Е. Грот.